

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук Кротовой Дарьи Владимировны
на тему: «Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и
художественная генеалогия (модернистский аспект)»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов
Российской Федерации»

В диссертации предпринято масштабное исследование поэтического наследия В. Шаламова, которое уже обращало на себя внимание литературоведов, но находилось «в тени» его знаменитой прозы и, как правило, рассматривалось периферийно, немногими критиками и публикаторами.

История возвращения стихов В. Шаламова, как явствует из введения, насчитывает более шести десятилетий и отражает тяжелейший путь послесталинской реабилитации русской литературы. Причем не только общественной, но и «физической», поскольку искалеченные цензурой, стихи-«инвалиды», как называл их В.Шаламов, восстанавливаются на основе архивных вариантов и потому получают новую жизнь. Поэтому занимающий Д.В. Кротову «вопрос о постижении генеалогии Шаламова-поэта в ее истинном объеме» вполне правомерен и подкреплен стремлением доказать право рассматривать это поэтическое явление как «целостную художественную систему», основанную на определенных мировоззренческих и эстетических установках, которые реализуются с учетом традиций русской классической поэзии и преимущественным следованием поэтическим открытиям символизма и акмеизма.

Не просто понять, что есть «истинный объем» «поэтической генеалогии» В. Шаламова, тем более что в работе автор «не претендует на охват всех возможных граней и элементов поэзии Шаламова» (дисс., с 10). Но шесть поэтических сборников, еще в 1956 году объединенных им в

«Колымские тетради» и их пополнение в последующие десятилетия, – явление само по себе и объемное, и значительное. Особенно если рассматривать его в развитии эмоционально-этических устремлений, эстетических намерений, поэтических традиций и всего литературного наследия поэта в целом.

Поскольку процесс объективной и взвешенной оценки литературы XX века отнюдь не завершен, и творчество В. Шаламова еще предстоит оценить не только как явление «лагерной темы», но и как литературно-эстетический феномен драматического становления национальной духовности, общественности и культуры, исследование Д.В. Кротовой можно рассматривать как закономерное и актуальное литературоведческое явление.

Можно согласиться с предложенным обоснованием новизны исследования, поскольку восприятие поэзии Шаламова как явления комплексного, системного и, одновременно, продолжающего мотивную основу прозы, драматургии и публицистики, является этапным шагом в изучении творчества писателя.

В 1 параграфе I главы Дарья Владимировна очень точно подметила, что творчество В.Шаламова «несет в себе огромный этический заряд». Определяя его источник, она приводит мысль поэта из эссе «Свободная отдача»: «Мои стихи – пример душевного сопротивления, которое оказано растлевающей силе лагерей». Думается, это «душевное сопротивление растлевающей силе» - ключевой экзистенциальный мотив как стихов, так и всего творчества В. Шаламова. В нем содержатся и из него произрастают как сами «идейно-образные константы», так и все их свойства и оттенки, которые определяет и характеризует соискатель. Значение «этического заряда» в том, что, преломленный в обстоятельствах «душевного сопротивления», он мобилизует душевные силы личности, расширяет и героизирует ее, придает ей качество «кровотокающей» выразительности. Им пронизывается идейно-образное содержание, мотивируются эстетические задачи и призываются к образной жизни фактически все литературно-

художественные приемы и формы. Дарья Владимировна оказывается концептуально права, когда указывает на это качество «этического заряда» и в соответствие с ним выстраивает логику своего исследования.

В то же время Дарья Владимировна дает, на наш взгляд, не совсем четкое объяснение причины, по которой В. Шаламов крайне противоречиво оценивает нравственное воздействие искусства. Писатель либо категорически отрицает его, либо объявляет «этическую ценность единственным подлинным критерием». С нашей точки зрения, у В.Шаламова связь пессимизма и оптимизма в отношении к искусству имеет синтетическую природу и напоминают ту, которую демонстрировал В. Розанов. Искусство должно соответствовать «этическому заряду» (требованию) писателя. Если соответствия нет, для Шаламова, как и для Розанова, оно – «нуль». Литературе, писал Шаламов, «перестали верить, и писателю оставалось для того, чтобы оставаться писателем, притвориться не литературой, а жизнью-мемуаром, рассказом, [вжатым] в жизнь плотнее<...>. Это недоверие к литературе и требование к писателю «притвориться жизнью-мемуаром, вжатым в жизнь плотнее», явно от В.Розанова. «Вжатым» настолько «плотно», чтобы в писательстве *живой* жизни было больше, чем литературной, чтобы оно, согласно приводимым цитатам из В.Шаламова, как кровоточащий «стигмат», вызывало «к горлу подступающие слезы». Итак, для В.Шаламова литература нравственна тогда, когда органична «живой жизнью» и вызывает «к горлу подступают слезы». Только в этом случае она станет «животворящей силой».

Таким образом, предваряя свое исследование свойств поэзии Шаламова, соискатель стремится максимально точно определить этическую миссию поэта. И, с нашей точки зрения, убедительно показывает его верность нравственной цели литературы, которую определила русская классика. Приводимое ею в конце 1 параграфа этическое намерение Шаламова: «чтобы<...> читая мои рассказы, всякий смог <...> доброе что-то сделать <...>», на наш взгляд, со всей очевидностью коррелируется с

убеждением А.С. Пушкина в необходимости «пробуждать» в человеке «добрые чувства».

Одновременно возникает вопрос о том, как В.Шаламову удалось согласовать верность гуманистической традиции с победившим в годы его поэтического формирования «воинствующим материализмом» и так называемым «новым человеколюбием» революционной эпохи? Как в условиях изгнания из литературы «гуманных мест» (Б.Эйхенбаум «Как сделана «Шинель» Н.Гоголя») и будучи «воспитанным» на отнюдь не всегда нравственной поэзии Серебряного века, на атеистических позициях формализма и ЛЕФа, Шаламов сохранил в себе веру в традиционную нравственность русской литературы и требовал «заклеймить» в ней «все нравственно негодное»? Дарья Владимировна отчасти отвечает на этот вопрос на страницах своей диссертации (С.36-43). Но хотелось бы поточнее понять, как это происходит.

Раскрывая «поэтическую генеалогию» В. Шаламова, соискатель указывает на прочную преемственную связь его поэзии с поэтическими новациями А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака. Дарья Владимировна указала на мотивную общность мифотворческой вознесенности поэтического слова в «царственное» у А. Ахматовой, в «слово – Психею» у О. Мандельштама, в «чудотворство» у Б. Пастернака с поэтическим мифом В. Шаламова о поэзии как «универсальном коде» мироздания, «всеобщем языке», «поэзии – судьбе».

Особого внимания и высокой оценки заслуживает размышление соискателя об унаследованных у предшественников целостном восприятии мира и целостности поэзии, которые у В. Шаламова имели свою биографическую основу и выражение. Тяжелейший жизненный опыт, который Дарья Владимировна акцентирует в стихах В. Шаламова, оказывается условием острой рефлексии по поводу собственного места и назначения в жизни. Непомерность этого опыта обесмысливала даже малейшие, но столь свойственные человеку наивные поползновения к

самоабсолютизации и заставляла поэта осознавать себя смиренной частью, «листочком» «летающей в бесконечное природы» и заданной этой бесконечностью «несвободы». Последняя строка стихотворения, которое анализирует соискатель, («Доступная познанию небосвода») является, с нашей точки зрения, квинтэссенцией его смысла. Образ «доступной познанию несвободы» природы и земли стал возможен только благодаря глубине и напряженности рефлексии поэта над своей участью. Его «познанию» открылась тождественность «несвободы» земли и «несвободы» собственной, что объединило их общей судьбой и с неотвратимостью придало этой судьбе трагический характер. Думается, именно на эту целостность восприятия природы, на общность самого В. Шаламова с миром и указывает автор работы. Именно здесь, следуя ее логике, необходимо искать истоки и качество трагического, обнаружению и анализу которого она посвящает 3 параграф I главы диссертации.

Д.В. Кротова бесспорно права, когда утверждает, что в поэзии В. Шаламова природа предстает живым органическим единством, которое, персонифицируясь в образах растительного и животного мира, в уподоблениях им героя и творческого процесса, наполняет их символическими смыслами и значениями. Источник этой традиции прозрачен: соискатель прямо называет А. Пушкина и Ф. Тютчева, не забывая тщательно акцентировать неповторимость природного мира у Шаламова, его «предельную конкретность», тяготеющую к научной точности (дисс., с 111).

Интересные аргументы приводит Д.В.Кротова, доказывая особый характер эстетики трагического. Главный из ее аргументов состоит в том, что трагическое у поэта получает конструктивный смысл. Эстетический феномен трагического в поэзии В. Шаламова Дарья Владимировна прежде всего связывает с творчеством: *«Катарсис, - пишет она, - заложен уже в самой художественной системе Шаламова, <...>, поскольку именно трагические переживания становятся основой творчества. В этом состоит их*

просветляющий, конструктивный смысл. Мироощущение Шаламова, таким образом, трагично, но ни в коей мере не пессимистично» (дисс., с.120).

Мотив катарсиса она находит в стихотворении «Пусть я, взрослая и старая...», где лирический герой «высокую науку /законов жалости постиг» и, как следствие, «людское горе в обнаженьи» оказывается его «последним преображеньем». Желание соискателя понятно: его как будто уловлен мотив прозрения, возникающий в слиянии обнаженной страданием души героя и обнаженного «людского горя». Здесь, в слиянии страдающих душ, звучит высочайшая трагедия теперь уже всеобщего «людского горя». У Шаламова она становится источником творчества и «без погрешек и прикрас» достигает катарсического эффекта. Таким образом, трагическая «наука» подлинной жизни преобразует душу лирического героя, но не поэзию, которая в свете катарсического откровения о неисчерпаемости и невыразимости людского страдания с грустью воспринимается им как «комочки горя и тоски», как повторяющийся «однообразнейший рассказ». Ощущение бессилия поэзии заставляет поэта отказаться от стихов и занять позицию летописца: «И только стихов я писать не хочу. / Пускай летописец, историк, не боле» <...>, пишет В. Шаламов. Но и эта позиция перед громадой страдания и боли кажется ему неверной и не точной:

Не летописец, не историк —
Подкапывающий гору крот.
И плод ученья слишком горек:
Несладкий корень, горький плод.

Другое дело – экзистенциальная вера в поэзию как в спасение «интеллигенции личности», о которой как об основе русского персонализма писал А.Ф. Лосев. В этом смысле Дарья Владимировна бесспорно права. Ибо для В. Шаламова:

Стихи – не просто озаренье,
Фонарь среди тьмы и темноты.
Они – настойчивость творенья
И неуступчивость мечты.

Именно мифическое восприятие стихов как «настойчивости творенья» и «неуступчивости мечты» придает им «просветляющий смысл», преодолевающий мотивы обреченности и пессимизма, которыми пронизаны многие строки В. Шаламова. Продолжая мысль соискателя о существовании и значении трагического в поэзии В. Шаламова, можно предположить, что его стихи тяготеют к жанру страстей, где усиление трагического начала в изображении человеческого бытия призвано подчеркнуть подвиг и победу человеческого духа.

Хочется присоединиться к позиции автора работы в оценке документальности и очерковости, которые, по ее мнению, вовсе не умаляют достоинств творчества В.Шаламова. Во-первых, Дарья Владимировна заставила вспомнить М.П. Погодина и Ю.Н. Тынянова, которые, каждый по-своему, убедительно доказали роль и эстетическое значение документа в литературе. Во-вторых, документ у В. Шаламова не ищет поэтического обрамления, а, будучи насыщенным эмоционально-ценностными интуициями писателя, рождает органичную себе поэтическую форму из самого себя. Соискатель приводит исчерпывающее объяснение самого В. Шаламова: «это окрашенный душой и кровью мемуарный документ, где все – документ и в то же время представляет эмоциональную прозу». И дает ему, с нашей точки зрения, очень точный комментарий: *«На первый план Шаламов выдвигает <...> не только точность воплощения жизненных фактов, но и память эмоционального переживания, которая и превращает очерк в художественный текст»* (дисс, с.158).

Опыт «эмоционального переживания» – вот главное условие или «субстрат», как его называет соискатель, преобразования жизненных фактов в литературу. Точнее, то качество этого опыта, которое создает тон, стиль и делает из документа литературу, избегая литературности.

Уместен в этой связи разговор об образе памяти, где жестокий факт, согласно интуиции соискателя, превращается в «источник боли» и рождает соответствующий этой жестокости образ: «Память ноет, как отморозенная

рука при первом холодном ветре. Нет людей, вернувшихся из заключения, которые бы прожили хоть один день, не вспоминая о лагере, об унижительном и страшном лагерном труде» (дисс. 166). Неудивительно, что память, охваченная мучительными интуициями пережитого опыта, оказывается, как пишет Д.В. Кротова, источником «крика» и «стоны» и наполняет волю поэта требованием запечатлеть судьбу искалеченных человеческих душ.

Стихи В. Шаламова чрезвычайно выразительны своей бытовой и природной предметностью, насыщенными колоритом мест, в которых ему пришлось пребывать. Согласимся с Дарьей Владимировной в том, что *«телесность в лирике Шаламова столь же значима, что и духовно-душевные грани бытия личности, одно неотделимо от другого. Духовное зачастую реализуется и раскрывается именно сквозь призму физического»* (дисс. 208). Добавим только, что в материальном мире «не зачастую», а всегда, пока мы не выбрались из под власти «физического». В.Розанов задолго до В.Шаламова утверждал, что «дух дается сквозь тело» и акцентировал интимно-телесное осуществление их материального единства. За ним акмеисты провозгласили телесность как «мудрую физиологичность», утверждая ее, как жизненно свершающийся Логос (О.Мандельштам). Но у каждого из них была своя интуиция тела. Принцип телесности у В.Розанова и акмеистов программный и потому – приоритетен и активен. Он подчеркнуто эстетизирован. У В. Шаламова, как подробно и убедительно показала Дарья Владимировна, выразительность телесного выполняет противоположную задачу. Эстетика утверждения естества заменяется у Шаламова эстетикой противоестественности «искалеченного тела». Живая целостность акмеистического естества в стихах В. Шаламова разрывается на «куски мяса». «Ампутированные», «вырезанные», «отмороженные» части тела чудовищно парадоксальным образом приносятся в жертву, чтобы спасти жизнь и сохранить хотя бы подобие ее целостности. Автору работы удалось выявить эту жесточайше выразительную картину регенерации жизни, что,

как нам представляется, свидетельствует не только о поэтическом таланте Шаламова, но и о недюжинных способностях исследователя.

Д.В. Кротова сумела увидеть в Шаламове поэта новой формации, вобравшего традицию предшественников, но преломившего ее в новом качестве лирического опыта, в котором мужественное самостояние души было не предметом эстетического поиска и изыска, а прорастало из пережитого, едва ли не хтонического, ужаса самой жизни. Возможно, именно поэтому мы встречаем в поэзии В.Шаламова не присущие акмеизму примеры утонченного поэтического зодчества, а пришедшие из реального людского ада «комочки горя и тоски». «Комочки» или «камни», в символической груди которых сокрыта память поэта о себе и миллионах ему подобных. «<...>Лирический герой, - убеждает нас соискатель, - воспринимает камень как своего двойника, свое «второе я». И этот «камень, уступавший, побежденный, униженный, обещал ничего не забывать».

Раскрытая Дарьей Владимировной поэтическая символика камня представляется несомненной удачей и является одним из значимых открытий диссертационного исследования.

II глава диссертации логически продолжает первую, поскольку исследование поэтической генеалогии В. Шаламова уже заложено в ряде детальных сопоставлений его поэзии со стихами символистов, акмеистов и тех поэтов, которых автор называет «поэтами вне школ и направлений» - Б. Пастернака и М. Цветаевой.

Дарья Владимировна вводит начинающего писателя в контекст литературных имен и тенденций, раскрывает его творческие предпочтения. Аналитика первой главы сменяется разговором о восприятии В. Шаламовым главных представителей символизма, акмеизма, футуризма, новокрестьянской поэзии, чьи «творческие импульсы», как полагает соискатель, формировали его эстетический вкус и художественные способности. Для раскрытия поэтической генеалогии этот материал, безусловно, важен и соответствует аналитической задаче автора работы

осмыслить поэтический феномен В. Шаламова «от общего к частному», от контекстных влияний к выявлению собственно поэтической индивидуальности. Вместе с тем, отдельные страницы производят впечатление некоторой обзорности и в начале главы напоминают автореферат о намерениях, которые предстоит выполнить (дисс. 293-315). Хотелось бы уточнить, какая в этом необходимость.

Реализацию индивидуальных поэтических свойств лирического героя В. Шаламова Дарья Владимировна аналитически раскрывает в сборнике «Высокие широты», где развернуто говорит о существовании творческой личности поэта и о ее выражении в цикле «О песне», у которой «<...> мужества достало // Мученья славе предпочесть» (дисс. 318). Анализируя этот цикл, автор диссертации вновь акцентирует драматическую эволюцию поэта от атеистического представления о поэзии («Двадцатые годы») до признания ее «своим «богом», «религией», «верой». В этой связи не вполне проясненным остается вопрос о религиозном характере стихов В. Шаламова. Согласно соискателю, атеист В. Шаламов расходится с З. Гиппиус в религиозном понимании поэзии. Для З. Гиппиус поэзия – почти молитва. Для неверующего В. Шаламова она – «бог», «религия», «вера». Если В. Шаламов воспринимает поэзию, как бога, тогда он, вопреки утверждению Дарьи Владимировны, гораздо ближе к В. Брюсову, который, тоже, не имея никакого религиозного опыта, верил в поэзию как в «божество» и объявлял себя ее жрецом. Как и В. Брюсов, В. Шаламов, судя по всему, отличал бога-поэзию от Бога-Творца. Но в тоже время признавался, что «<...> сочинил немало сказок / По образцу Четьи-Миней». Как же, не будучи религиозным, В. Шаламов брал за образец жития Святых? Быть может, дело в том, двадцатилетний каторжный опыт все же подспудно вернул Шаламова к христианскому феномену мученичества (ведь предпочел же «мученья славе»!), хотя открыто он в этом не признавался? Религиозный опыт, кажется, рождается не в храме, а в страдающем сердце.

По существу, во второй главе соискатель более детально и тщательно развивает основные мотивы первой, расширяя масштаб творческой рецепции Шаламова и открывая новые грани его дарования. У Дарьи Владимировны В. Шаламов нередко предстает в качестве исследователя и литературного критика. В заключительных разделах дан широкий обзор и разбор его литературно-критических взглядов и оценок. Если бы эту часть можно было представить как главу о Шаламове – критике, то она могла бы, во-первых, раскрыть идейно-художественные константы и генеалогию с новой стороны, с точки зрения литературно-критической рецепции Шаламова-поэта, и, во-вторых, органично завершить реализацию исследовательского замысла. Но это не более, чем предположение.

Подводя итог оценке проведенного исследования, можно сделать вывод, что цели диссертации, направленные на выявление идейно-образных констант и художественной генеалогии поэзии В.Шаламова, успешно достигнуты. Научные положения, вынесенные на защиту, обоснованы и полностью реализованы. Диссертация Дарьи Владимировны Кротовой является первым масштабным исследованием поэтического корпуса В. Шаламова, охватывающим, максимально доступный материал и раскрывшим многомерный художественный мир поэта.

Замечания, высказанные в отзыве, не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Кротова Дарья Владимировна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков
Института филологии ФГБОУ ВО
«Московский педагогический
государственный университет»
ДЕФЬЕ Олег Викторович
27.10.2022

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Московский педагогический государственный университет, Институт
филологии
Тел.: +7 (499) 246-57-12; e-mail: ruslit20@mpgu.su.